

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Правителя Дѣла И. И. Серебrenникова.

Томъ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.

И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.

Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 1875 $\frac{1}{2}$ г.

Д. А. Клеменць и историко-этнографическія изслѣдованія въ Минусинскомъ краѣ.

Заканчивая свою извѣстную работу «Древности Минусинскаго музея», Клеменць высказывалъ надежду, что критика поможетъ ему избѣжать ошибокъ въ послѣдующихъ работахъ, такъ какъ, судя по обстоятельствамъ, -добавилъ онъ, -намъ врядъ ли придется ограничиться настоящимъ трудомъ“. Къ большому огорченію для изслѣдователей Минусинскаго края, но, быть можетъ, съ тѣмъ большей непосредственной выгодой для археологовъ ориенталистовъ, Клеменць продолжилъ свои изученія въ области древностей уже за предѣлами Минусинскаго края.

Одинъ изъ біографовъ Клеменца, Кравчинскій-Степнякъ, писалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, обладавшемъ «ненасытной жаждой знанія». Тотъ же біографъ отмѣчалъ его рѣдкую наблюдательность, искрящееся остроуміе, находчивость и умѣніе завоевывать расположеніе и довѣріе людей, которые приходили съ нимъ въ столкновеніе. Въ одну изъ первыхъ моихъ поѣздокъ въ лѣво-бережную часть Минусинскаго уѣзда, мнѣ пришлось заѣхать въ золотопромышленную резиденцію. Хозяйка познакомила меня съ своимъ гостемъ, тоже золотопромышленникомъ. При этомъ она шутя рассказала о забавной и характерной выходкѣ покойнаго Клеменца. Въ Минусинскѣ, ночью, компанія интеллигенціи не рѣшалась выйти на улицы, такъ какъ стояло буйное, разгульное веселье; опасались непріятныхъ инцидентовъ. «Погодите, воскликнулъ Клеменць, -я сейчасъ вамъ доставлю не человѣка, а стѣнобитное орудіе». «Вотъ этотъ «не человѣкъ, а стѣнобитное орудіе»-Вашъ новый знакомый», смѣясь, сказала хозяйка дома. Когда я всмотрѣлся въ фигуру объекта остроумія Клеменца, я невольно согласился мысленно съ мѣткостью даннаго ему опредѣленія. Высокій, широкоплечій, съ небольшой загорѣлой головой, онъ обладалъ могучими руками,

снабженными тяжеловѣсными кулаками. И это остроуміе Клеменць щедро разсыпалъ не только въ обыденной жизни, но и въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, въ газетныхъ статьяхъ. Это остроуміе и находчивость являлись къ нему на помощь и во время производства изслѣдованій. Кравчинскій-Степнякъ писалъ о немъ, что Клеменць «никогда не пытался и не желалъ насиловать чужой воли. Это было ему просто противно». Съ другой стороны, по словамъ того-же автора, «повидимому, природа одарила его сердцемъ, физически не способнымъ испытывать страхъ. Среди величайшей опасности Клеменць никогда не теряетъ самообладанія. Онъ остается совершенно хладнокровнымъ, смѣется и шутитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Этимъ объясняется его необычайное присутствіе духа. Изъ самыхъ трудныхъ положеній онъ выпутывается съ изумительной находчивостью и подчасъ съ такимъ юморомъ, который ясно показываетъ, что онъ все время нисколько не думалъ объ опасности, а только забавлялся нѣкоторыми смѣшными положеніями и моментами».

Покойный Г. П. Сафьяновъ рассказывалъ мнѣ, что онъ одинъ разъ только видѣлъ, какъ веселое, неунывающее настроеніе покинуло Клеменца. Они вдвоемъ ѣхали въ Саянахъ. Было холодное время. Лежалъ снѣгъ. Дулъ вѣтеръ. Оба путника расположились на ночлегъ. Клеменць былъ одѣтъ легко, такъ какъ или не имѣлъ теплой одежды, или не запасся ею. Онъ простылъ, и ему сильно недомогалось. Сафьяновъ передавалъ, что сильно боялся, какъ бы его спутникъ совсѣмъ не расхворался. И среди этой дикой, горной тайги Клеменць, надо думать, остро долженъ былъ сознавать свое безсиліе... Но тамъ, гдѣ было мѣсто для быстрой работы мысли и физическаго усилія, Клеменць чувствовалъ себя бодро.

Вотъ онъ ѣдетъ «горными таежными тропинками» въ западныхъ, пограничныхъ съ Томской губерніей, мѣстностяхъ Минусинскаго уѣзда. Къ нему присоединяется сагоецъ. Вечерѣтъ. Спутники ведутъ бесѣду. «Есть въ Россіи хорошіе шаманчики?» спрашиваетъ татаринъ. Клеменць даетъ серьезно отрицательный отвѣтъ.—«Значить, у васъ шайтановъ нѣтъ? продолжаетъ бесѣду его спутникъ.—«Не знаю, прежде, говорили, были; теперь что-то не слышать».—«Нѣтъ, и у васъ есть шайтаны, только, должно быть, смиренные. Русскій-хитрый

народъ, бойкій народъ, самъ хуже шайтана. Татары-смирный народъ, простой: оттого и шайтаны у насъ сердитые». Далѣе уже сагаи сообщалъ, что шайтановъ много: въ тайгѣ-одни, въ горахъ-другіе. Вездѣ шайтаны. Безъ шамана нельзя. И незамѣтно Клеменць извлекаетъ изъ своего случайнаго спутника, увлеченнаго дружеской бесѣдой, цѣнныя для этнографа свѣдѣнія о томъ, какой стажъ проходятъ шаманы, какъ человѣкъ становится шаманомъ и т. д.

Надъ притокомъ Аскыса-Кюгомъ высится утесъ Иней-тасъ. Издали онъ имѣть сходство съ закутанной съ головы до ногъ человѣческой фигурой. Этотъ камень («бабушка-камень» буквальный переводъ «Иней-тасъ») внушаетъ религиозный страхъ татарамъ. Ни одинъ изъ нихъ не осмѣливается изъ празднаго любопытства приблизиться къ утесу. Страшная кара ожидаетъ его, если онъ приведетъ къ утесу человѣка не «татарской вѣры». Иней-тасъ является духомъ—покровителемъ стадъ и скотоводства. На площадкѣ передъ утесомъ поставлены сдѣланныя изъ камня фигурки лошадей, коровъ, козъ. Если фигурки стоятъ, хорошо и скоту. Упали—быть бѣдѣ: скотскій падежъ угрожаетъ татарамъ.

Къ этому священному утесу пробирается Клеменць, взявъ въ проводники русскаго рабочаго, но ни однимъ намекомъ не выдавъ цѣли путешествія. Они ѣдутъ верхами. Наступаетъ ночь. Луна выходитъ. Дѣлается свѣжо. Показывается улусъ. «Холодно, не захватить ли чайку попить?» спрашиваетъ спутникъ Клеменца. «Остановиться среди поля,—быстро соображаетъ Клеменць,—никуда не забѣгая, будетъ подозрительнѣе, лучше захватить выпить чашку чая да и сказать, что пойдемъ ночевать съ лошадьми въ поле». Холодная ночь, пронизывающій вѣтеръ мѣшаютъ спать, да и есть рискъ проспать. Подъ утро, передъ заходомъ луны, Клеменць, сказавъ спутнику, что пора сдѣлать лошадей, отправляется якобы поискать камней. Самъ же, одинъ, среди ночи, пробирается къ завѣтному утесу. Удачно прячется отъ замѣтившей его на дорогѣ и залаявшей собаки и достигаетъ цѣли. Опытный глазъ запоминаетъ обстановку. Нѣсколько штукъ каменнаго скота Иней-тасъ попадаетъ въ карманъ изслѣдователя. Но Клеменць съ свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ оказываетъ услугу и татарамъ. Нѣсколько фигурокъ упало. Онъ ихъ старательно поднялъ и поглубже затискалъ въ песокъ, чтобы не упали снова. Когда первые сол-

нечные лучи окрасили Иней-тась, Клеменць уже благодушно освѣдомлял спутника, что искалъ вѣтку черной березы и нашель таки ее.

Этотъ безпокойный, непосѣдливый человекъ успѣлъ извѣздить много мѣстностей и въ Саянскихъ горахъ, и въ Кузнецкомъ Алатау, побывалъ и въ вершинахъ Абакана. Извѣстно, какимъ почетомъ пользуется Абаканъ у инородцевъ, особенно вершины его. Надъ міромъ, въ предѣлахъ кругозора алтайскихъ и минусинскихъ тюрковъ, царствуютъ семнадцать благожелательныхъ для человечества духовъ-хановъ (йѣрсу); однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ хановъ является Мордо-ханъ, или Абаканъ-ханъ, мѣстопробываніе коего у истоковъ рѣки Абакана. Клеменць писалъ, что онъ пользовался немалой популярностью среди минусинскихъ татаръ, какъ человекъ, побывавшій на вершинахъ Абакана.

Съ этимъ умѣніемъ понимать чужое міросозерцаніе, подходит къ простому человекъ съ понятнымъ для него языкомъ и добродушной фамиллярностью, уживавшейся съ способностью импонировать, у Клеменца соединялась опиравшаяся на широкую эрудицію способность обобщенія. Подмѣченный фактъ у него быстро ассоціируется съ ранѣе наблюденными, съ данными, извлеченными изъ прочитанной литературы, и изъ этой мозаики фактовъ составляетъ цѣлая картина.

Во время одной экскурсіи Клеменць зашелъ въ юрту, въ кторой лежалъ больной, дряхлый старикъ-татаринъ, котораго пріютилъ хозяинъ юрты. Онъ бредилъ и въ бреду твердилъ: «мултыхъ, биръ мултыхъ» («ружье, дай ружье»). Хозяинъ пояснилъ, что, когда наступаетъ охотничій сезонъ, время снаряженія въ тайгу, старикъ начинаетъ мучительно безпокоиться, бредитъ и проситъ ружье. Прежде это былъ одинъ изъ лучшихъ охотниковъ, «звѣровщиковъ». И Клеменць по этому поводу замѣчаетъ, что ему сталъ понятенъ послѣ этого непреоборимый инстинктъ мигрирующихъ животныхъ, пересиливающий даже могучій инстинктъ материнской привязанности, заставляющій птицъ покидать гнѣзда съ птенцами, не оперившимися до эпохи перелета.

Эти быстрыя обобщенія поражаютъ иногда своею таланливостью. Одной изъ блестящихъ гипотезъ Клеменца было его предположеніе объ измѣненіи русла Енисея ниже д. Означен-

ной. Енисей въ степи дѣлалъ поворотъ на западъ, и русломъ ему служило нынѣшнее русло р. Абакана отъ мѣстности выше г. Изыха *). Гидротехническія изысканія и нивеллировки послѣдняго пятилѣтія дали богатый матеріалъ, подтверждающій правильность высказаннаго Клеменцемъ предположенія.

Характерно для ученаго облика Клеменца, что, изслѣдуя минусинскія степи, онъ взбирается на одну изъ высокихъ Саянскихъ вершинъ лѣваго берега Енисея и оттуда окидываетъ насколько позволяетъ глазъ, лежащія внизу степныя пространства. А затѣмъ набрасываетъ общую картину степей. То же самое онъ дѣлаетъ и въ «Древностяхъ Минусинскаго Музея». Только здѣсь онъ пользуется не горной вершиной, а историческими матеріалами, чтобы набросать историческую перспективу, въ которую бы можно было уложить подвергнутый имъ изученію археологическій матеріалъ.

Какой народности принадлежали безчисленные и богатые памятники древней культуры Минусинскаго края—всѣ эти курганы съ находимыми въ нихъ бронзовыми, серебряными, золотыми предметами, камни съ надписями, остатки крѣпостей, строительныхъ сооружений? Клеменць осторожно говоритъ не о народности, а о народахъ, и отмѣчаетъ, что „компетентные ученые, глубокіе знатоки литературы и древностей востока не высказали по этому вопросу ничего, кромѣ догадокъ Тѣмъ не менѣе, и не найдя ничего опредѣленнаго и устойчиваго въ литературѣ, Клеменць съ обычной настойчивостью и смѣлостью пробирается въ дебри матеріаловъ, даваемыхъ „Свѣдѣніями о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи“, „Исторіей четырехъ хановъ“ о Іакинфа, «Исторіей Монголовъ» Рагандъ-Эддина, «Ethnologische Vorlesungen» Кастрена и др. Изъ народовъ, упоминаемыхъ названными сочиненіями, онъ выдѣляетъ хагасовъ для Минусинскаго края и тую для Алтая. Сопоставляя свѣдѣнія о матеріальной культурѣ туюэсцевъ съ позднѣйшими данными о черневыхъ татарахъ, сагаяхъ, Клеменць, видимо, пытается установить культурную, если не этническую, преемственность этихъ народностей. Онъ допускаетъ возможность смѣшенія представителей различныхъ расъ (енисейско-остяцкой и тюркской), но процессъ этого смѣшенія отодвигаетъ въ далекую древность. Остроумная аналогія у него нашла мѣсто по поводу извѣстія о развитіи

*) *Замѣтка о древнемъ руслѣ Енисея въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. Геогр.-Общ.*

руднаго дѣла у тукю. Послѣдніе, по китайскимъ источникамъ, были кочевниками. Это, по мнѣнію Клеменца, наводитъ на мысль, что руднымъ дѣломъ занимались они не сами, а подчиненные имъ аборигены Алтая, кыштымы ихъ. И онъ прямо обращается къ даннымъ «Памятниковъ Сибирской Исторіи XVIII в.», по которымъ русскіе собирали ясакъ не столько съ киргизовъ, сколько съ кыштымовъ послѣднихъ. Нѣтъ извѣстій, чтобы кочевники-киргизы занимались руднымъ дѣломъ; напротивъ, они брали дань желѣзными издѣліями или просто отбирали ножи, котлы и т. п. у другихъ племенъ.

Еще болѣе, чѣмъ тукю, интересуютъ Клеменца хагасы, о которыхъ впервые упоминаютъ китайскіе источники подъ 95 г. до Р. Х. Китайскій полководецъ Ли-Линь, потерпѣвъ поражение отъ Хунну, сдался послѣднимъ и получилъ во владѣніе страну Хагасъ. Клеменць довольно подробно останавливается на извѣстіяхъ о внутреннемъ бытѣ этого народа. Его интересуется высокая матеріальная культура этого народа и чрезвычайно развитый общественный и государственный строй. По поводу упоминанія китайскихъ источниковъ, что у хагасовъ были «какіе-то ясачные, съ которыхъ подать собиралась бѣлками и соболями», онъ дѣлаетъ опять смѣлое сопоставленіе. По его мнѣнію, «это были остатки покоренныхъ первобытныхъ насельниковъ страны, извѣстные впоследствии у киргизовъ Минусинскаго округа подъ названіемъ кыштымовъ». Далѣе онъ останавливается на извѣстіи, что у хагасовъ существовало письмо, сходное съ уйгурскимъ, и оно употреблялось въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Ему приходитъ на мысль «раize» Клапрота, но онъ еще не рѣшается говорить о тождествѣ этого письма и надписей на скалахъ и могильныхъ камняхъ Минусинскаго края. «Повторимъ здѣсь,—говоритъ онъ,—по поводу этихъ невѣдомыхъ писменъ, что кто бы ни были наши аборигены: арійцы, турки или финны алфавиты у западныхъ народовъ и у нашихъ сѣверо-азіатцевъ ведутъ начало отъ одного корня; иначе сходство ихъ становится совершенно необъяснимымъ. Изъ сродства письменъ нельзя, конечно, дѣлать заключеніе о сродствѣ языковъ, и вопросъ этотъ остается открытымъ до сихъ поръ, не смотря на всѣ новыя попытки прочесть наши руны». Излѣдователей смущало извѣстіе китайскихъ источниковъ, что у хагасовъ были рыжіе волосы и голубые глаза; это говоритъ о принадлежности къ финскому или индоевропейскому племени. Но Клеменць

подчеркиваетъ, что хагасскія названія „нѣкоторыхъ предметовъ и мѣсяцевъ, сохранившіяся въ китайскихъ источникахъ, указываютъ на тюркскій языкъ“. Послѣ IX в. у китайцевъ нѣтъ извѣстій о Хагасахъ; упоминаются Кили-ки-дзе. Клеменць уже не колеблется отождествить хагасовъ и Кили-ки-дзе (китайское произношеніе имени киргизъ). Послѣдніе, а также сагаи (сагаитъ) добровольно подчинились Чингисъ хану. „Съ тѣхъ поръ нашъ край, вплоть до русскаго завоеванія, переходилъ въ руки то Алтынъ-хановъ халхаскихъ, то возросшаго быстро союза ойратовъ. Есть свѣдѣнія, что въ XVII в. здѣсь было сильно джунгарское вліяніе“. Такимъ образомъ, Клеменць довольно близко подходилъ къ разрѣшенію вопроса о тождествѣ первоначальныхъ обитателей Минусинскаго края, о которыхъ только сохранились историческія извѣстія, съ позднѣйшими насельниками вплоть до эпохи русскаго завоеванія.

Въ какомъ же отношеніи упоминаемыя народности стоятъ къ современнымъ, такъ называемымъ минусинскимъ татарамъ? „Русскіе,—писалъ Клеменць,—не застали уже и слѣдовъ высокой культуры хагасовъ. *Енисейскіе киргизы, алтырцы, сагаи, ассаны и аренцы*, которыхъ русскіе завоеватели застали здѣсь, были полудикіе кочевники и звѣроловы. *О тубинцахъ или нынѣшнихъ сойотахъ* и говоритъ нечего. Они и во время перваго появленія русскихъ и нынѣ оставались на той же культурной стадіи развитія, на которой ихъ нашли въ VII и VIII столѣтіяхъ китайскіе историки, описавшіе ихъ подъ именемъ народа *Дубо**.) Это были и остались такіе же бѣдные звѣроловы, питающіеся кореньями сараны и промышлявшіе, кромѣ того, грабежами у хагасовъ. Послѣдніе ловили ихъ и обращали въ рабство. Въ имени Дубо нельзя не признать тождества съ Туба или Тува, какъ до сихъ поръ называютъ себя сойоты. Какъ извѣстно, большая часть тубинцевъ, вмѣстѣ съ киргизами, въ началѣ XVIII в. покинули Минусинскій край, убоявшись возрастающаго вліянія русскихъ, и поселились за Саянскимъ хребтомъ“.

Для объясненія причинъ паденія цивилизаціи хагасовъ—киргизъ, Клеменць предлагаетъ слѣдующую гипотезу. „Мы знаемъ, говоритъ онъ, тактику Чингисъ-хана и его преемниковъ. Вѣроятно, и по отношенію къ киликидзе они ея не измѣнили, т. е. забирали вліятельныхъ представителей покоренной страны къ

*) Это мнѣніе акад. Радова—см. Aus Sibirien т. I, стр. 207.

себѣ, если нужно, истребляли ихъ, уводили съ собой художниковъ и ремесленниковъ вглубь Монголіи и лишали край его лучшихъ силъ. Исторія Азіи представляетъ не мало примѣровъ, какъ, послѣ сильнаго погрома, цѣлыя культурныя націи превращались въ разрозненныя родовыя группы полудикихъ пастуховъ. Такъ было, *вѣроятно*, и съ предками Киргизовъ енисейскихъ, хагасами, такъ было и съ болѣе могущественными ихъ сосѣдями, тукинцами. „Грандіозные оросительные каналы были запущены, и мѣстности, кормившія сотни и тысячи лицъ, лежатъ втуне“. Это объясненіе, не смотря на его рационалистичность и шаткость, не лишено покоряющей опредѣленности и оригинальности. И здѣсь Клеменць остался самимъ собою. Онъ искалъ для себя опредѣленнаго отвѣта на широко поставленный вопросъ, и смѣло его формулировалъ. Необходимо опредѣлить то мѣсто, которое занимаютъ соображенія Клеменца въ исторической литературѣ.

Прежде всего-тождество хагасовъ съ киргизами и положеніе страны, въ которой они обитали.

По этому вопросу существуетъ довольно обширная литература. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и притомъ въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Писатели XVIII и первой половины XIX вѣка пользовались, преимущественно, извѣстіями мусульманскихъ писателей (Абулгази). Въ оцѣнкѣ, что понимать подъ рѣкой Икранъ-муранъ или Уйгуръ-муранъ, гдѣ помѣщались киргизы, было крупное расхожденіе между изслѣдователями. Миллеръ („Описаніе Сибирскаго царства“. Спб. 1750, стр. 13 и сл.) полагалъ, что Икранъ-Муранъ-это Амуръ; Фишеръ приводилъ многочисленныя данныя въ пользу Гоанго („Сибирская исторія“. Спб. 1774, стр. 25—30 54 и сл.); Степановъ („Енисейская губернія“. Спб. 1835, стр. 130—133,) вслѣдъ за Клапротомъ, полагалъ, что киргизы жили тамъ, гдѣ ихъ застали русскіе (около Юсовъ,) и что Уйгуръ-муранъ-это Енисей. Запоздалое продолженіе этотъ споръ имѣлъ уже въ XX вѣкѣ. Мѣстный изслѣдователь, И. П. Кузнецовъ, въ небольшой брошюрѣ „Замѣтка о древнихъ обитателяхъ южныхъ частей Енисейской губерніи“ (Томскъ, 1902) подвергъ рѣзкой критикѣ мнѣніе Клапрота. По мнѣнію г. Кузнецова, „кромѣ р. Чернаго Иртыша, нельзя приурочить къ р. Уйгуръ-мурану другой рѣки“ (н. с., стр. 26).

Этотъ споръ могъ продолжаться, можетъ быть, безконечно, такъ какъ спорящіе располагали однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, и разница заключалась лишь въ томъ или иномъ остроумномъ его истолкованіи. По почину покойнаго Н. М. Ядринцева, дѣло приняло совершенно иной оборотъ, и разрѣшеніе вопроса было поставлено на прочную почву аутентичныхъ памятниковъ.

Какъ извѣстно, Н. М. Ядринцевъ въ 1889 году отправился въ Восточную Монголію разыскивать развалины столицы чингисханидовъ—Каракорума. Его открытія произвели огромное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Онъ нашелъ знаменитые „драгоцѣнные памятники Орхонской долины“*,) надписи, аналогичныя письменамъ енисейскимъ. При этомъ были найдены двуязычныя надписи, на китайскомъ и „уйгурскомъ“ языкахъ. Послѣдовавшія экспедиціи Финскаго ученаго Гейкеля и академика Радлова дали богатое собраніе этихъ надписей (изд. въ Гельсингфорсѣ *Inscriptions de l'Orkhon*, 1892; ранѣе—*Inscriptions de l'Iénisséi* изд. русск. акад. наукъ; *Atlas der Alterthumer der Mongolei*, 1892). Дешифровкой ихъ занялись первоклассные тюркологи В. В. Радловъ и датскій ученый Томсенъ, пока послѣднему въ 1893 году не удалось найти ключъ къ чтенію орхонскихъ письменъ и занять почетное мѣсто рядомъ съ знаменитымъ египтологомъ Шампольономъ и ассирологомъ Гротефендомъ („*Déchifrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisséi*“ въ Бюлет. Датск. Корол. Акад. Наукъ).

Орхонскія надписи оказались принадлежащими тому народу, который въ китайскихъ источникахъ называется *тукю*, а себя въ надписяхъ называлъ *түрк* (тюркъ),—т. н. восточнымъ тюркамъ (западнымъ принадлежалъ Алтай). Онѣ охватываютъ первыя три десятилѣтія VIII в. по Р. Х. Въ нихъ упоминаются и *кыргысы*. Каганъ тюрковъ, Бильге-ханъ съ своимъ братомъ Кюль-Тегиномъ совершили зимою 710—711 г. походъ за горы Кюгмень (Саяны) и въ „черни“ (йышъ) Сунга разбили кыргысовъ, вождь коихъ Барсъ-бегъ палъ въ битвѣ. Кыргысамъ принадлежали енисейскія надписи. Послѣднія носятъ болѣе архаическій характеръ. Алфавитъ и орфографія здѣсь не разработаны такъ, какъ орхонскія. Содержаніе ихъ не столь раз-

*) *Бар. Розенъ*, Suum suique. Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. VIII, стр. 325; *Н. М. Ядринцевъ*, *Предварительный отчетъ о поздѣжъ съ археологич. и этногр. цѣлью въ ств. Монголію и вершины Орхона*, 1889.

нообразно. Но и онѣ даютъ цѣнныя указанія на бытъ кыргысовъ.*)

Очень большое значеніе имѣлъ открытый женою Д. А. Клеменца—Е. Н. въ Баинъ-Цзокто, въ районѣ Урги, большой памятникъ—надпись, принадлежавшая нѣкому сановнику Тоньюкуку, тестю Бильге-хана. Изслѣдованія были распространены на з. Монголію и Ср. Азію, и въ нихъ дѣятельное участіе принялъ Клеменцъ.

Такимъ образомъ построеніе, принятое Клеменцемъ, какъ въ отношеніи отождествленія хагасовъ и киргизовъ, такъ и въ отношеніи обитанія ихъ въ долину верхняго Енисея, было правильно.

Далѣе слѣдуетъ вопросъ, что изъ себя представляли т. н. *Енисейскіе киргизы*, которыхъ застали въ началѣ XVII в. русскіе въ предѣлахъ нынѣшняго Минусинскаго края и южной части Ачинскаго уѣзда, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ современнымъ „минусинскимъ татарамъ“.

Ранніе писатели были склонны смѣшивать киргизовъ енисейскихъ съ западными, т. е. киргизъ-касаками и кара—киргизами. У Георги („Описаніе всѣхъ въ Россійск. госуд. обитающихъ народовъ“, ч. II, стр. 115—116) полное отсутствіе отчетливаго представленія о географическомъ положеніи киргизскихъ племенъ. Онъ говоритъ объ ихъ войнахъ съ Туркестаномъ (что относится къ западнымъ киргизамъ), о подчиненіи чжунгарамъ (что относится къ енисейскимъ), объ уходѣ съ Енисея на Обь и т. д. Миллеръ и Фишеръ обладали обширнымъ матеріаломъ, чтобы не смѣшивать енисейскихъ киргизовъ и киргизовъ бассейна Иртыша и Туркестана. По Миллеру, енисейскіе киргизы, тѣснимые русскими, ушли къ калмыкамъ, у которыхъ въ его время были «они подъ именемъ *Бурutz* извѣстны». Фишеръ говоритъ еще болѣе опредѣленно, что енисейскіе киргизы въ началѣ XVIII в., будучи „по дружелюбнымъ договорамъ уступлены калмыкамъ“, „внутри Калмыцкой земли отступили“, и что послѣ этого русскіе предѣлы были отъ нихъ „совершенно очищены“. (стр. 57).

*) Ср. *Савенковъ. О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисей*. М. 1910, стр. 281 и 324, въ приложен. приведены алфавиты; *Меліоранскій, Обь орхонскихъ и енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898, іюнь; весьма интересное изложеніе содержанія надписей); *Бартольдъ, Новыя изслѣдованія объ орхонскихъ надписяхъ* (Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, октябрь).

Фишеръ правильно полагалъ, что „всѣ поколѣнія, которыя именуется киргизами, одного происхожденія“ (стр. 59), но оговаривался, что „не должно думать, чтобъ... вся орда и все киргизское имя вышли и, такъ сказать, въ одно мѣсто стѣснены были“. Поэтому обвиненіе Словцовымъ („Историческое обозрѣніе Сибири“. Сиб. 1886, т. II, стр. 73—74) Фишера въ смѣшиваньи киргизовъ западныхъ и восточныхъ совершенно неосновательно. Самъ Словцовъ, подчеркивая различіе отъ западныхъ киргизовъ киргизовъ восточныхъ, выводилъ послѣднихъ изъ Забайкалья, гдѣ находятся могильные памятники, приписываемые какимъ-то кергетамъ. „Потомки кергетовъ,—предполагалъ Словцовъ,—въ эпоху русскую, распространились до Катуня“, пройдя черезъ Верхоленскій уѣздъ. Въ 1704 г. эти киргизы потерпѣли пораженіе отъ казачьяго головы Цицурика и „убрались на юго-западъ“ (стр. 272—273 и XI; стр. 310—311).

Кастренъ считалъ киргизъ прямыми потомками хагасовъ. Имъ онъ приписываетъ происхожденіе безчисленныхъ кургановъ. Изъ сибирскихъ степей, по мнѣнію Кастрена, киргизы продвинулись въ мѣстности, лежащія между Ташкентомъ и Коканомъ, В. Иртышомъ и Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Они смѣшались съ монгольскими племенами, но сохранили чистый тюркскій языкъ) *Ethnologische Vorlesungen*, S.-Petersb. 1857, стр. 69). Мнѣнію Кастрена слѣдовалъ акад. Радловъ и, конечно, Клеменць. Уходъ киргизовъ изъ Минусинскаго края Радловымъ отнесенъ къ концу XVII в. Оцѣнка послѣдствій этого событія данная авторитетнымъ академикомъ, имѣла исключительное вліяніе въ этнографической литературѣ.

„Когда,—говорить онъ*),— киргизы въ концѣ XVII вѣка

---

*) Aus Sibirien. Leipzig, 1884. I, стр. 209—210 (2-е изд. 1893, стр. тѣ же). Этотъ взглядъ получилъ общее признаніе. Въ изданномъ въ Томскѣ переводѣ части труда акад. Радлова («Этнографическій обзоръ тюркскихъ племенъ ю. Сибири и Джунгаріи». Т. 1887, стр. 3) цитир. мѣсто передано еще рѣзче: «когда большинство киргизовъ въ концѣ XVII в. выселилось изъ долины верхняго Енисея и Абакана, два колѣна сагаевъ осталось отъ нихъ въ долинѣ Аскыса. Послѣдніе и понынѣ помнятъ свое происхожденіе». Ср. цит. мѣсто изъ «Древностей» Клеменца о переселеніи части тубинцевъ съ киргизами; *Адріановъ, Очерки Минусинскаго края*. Т. 1904, стр. 8—9; *Яковлевъ, Этнографич. обзоръ инородч. населенія долины Южнаго Енисея*. Мин. 1909, стр. 4—5; даже въ недавно вышедшей книгѣ *Ватина, Минусинскій край въ XVIII в.*, Минус., 1913, стр. 89, повторяется, что мѣста, покинутыя киргизами, были заняты двинувшимися съ разныхъ сторонъ инородческими племенами. Преувеличенное выраженіе это мнѣніе нашло въ книгѣ *Кулакова и Кузнецовой, Минусинскіе и Ачинскіе инородцы*. Красн. 1898, стр. 3, 4, 14 и др. Послѣдняя книга вызвала стройное возраженіе со стороны *Ярилова, Въ защиту науки и приговоренныхъ къ смерти*. Юрьевъ 1900.

въ главной массѣ покинули абаканскія и енисейскія степи, лишь очень немногія родовыя группы остались на прежнихъ мѣстахъ. Но обширныя степныя пространства только короткое время *оставались безъ населенія*; сюда двинулись со всѣхъ сторонъ обитавшія въ сосѣднихъ тайгахъ (Waldgebirgen) племена, привлекаемыя плодоносными равнинами. Съ юга, въ широкую долину Абакана, потянулись бельтиры, съ юго-востока—койбалы и маторы, съ сѣверо-запада—аргены и населили вмѣстѣ съ нѣкоторыми предвинувшимися съ Алтая на востокъ тюркскими поколѣніями южную часть долины Абакана до Аскыса; сѣверная же часть стала мѣстомъ обитанія качинцевъ“.

Рѣзко разошелся съ установившимся взглядомъ И. П. Кузнецовъ въ уже цитированной брошюрѣ „Замѣтки о древнихъ обитателяхъ южныхъ частей Енисейской губерніи“. Г. Кузнецовъ совершенно отрицаетъ существованіе енисейскихъ киргизовъ. По его мнѣнію, такой народности не было, а были разные тюркомонгольскіе роды и колѣна, коихъ томскіе казаки, по невѣжеству, назвали киргизами; часть этихъ племенъ въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. перекочевала за Саянскій хребетъ, а часть и теперь живетъ на прежнихъ мѣстахъ, напр. тубинцы, сагайское колѣно кыргысъ, езерцы (ызырь). Сами эти племена отнюдь себя не называли киргизами (н. с., стр. 26, 28).

Еще акад. Радловъ въ своихъ «Aus Sibirien» сдѣлалъ цѣнное замѣчаніе въ отношеніи южно-сибирскихъ тюрковъ. „Die Geschlechtsnamen,—писалъ онъ,—dieser Türkstämme sind für uns der einzige Fingerzeig für ihre *Abstammung*“. Мы думаемъ, что, не смотря на допущенные г. Кузнецовымъ промахи, его заслуга должна заключаться въ томъ, что онъ попытался, хотя и неудачно, сопоставить историческія извѣстія о народностяхъ, жившихъ въ краѣ во время прихода русскихъ, съ родовыми названіями современныхъ инородцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Кузнецовъ основательно подвергъ сомнѣнію правильность мнѣнія о выселеніи изъ края цѣлой народности и заполненіи образовавшагося какъ бы пустого мѣста пришедшими со стороны племенами.

Какъ и въ вопросѣ о хагасахъ-киргизахъ, мы обратимся къ первоисточникамъ, чтобы не витать въ области чистыхъ гипотезъ. Но прежде надо оговориться, что, когда приходится обращаться къ родовымъ названіямъ, то нужно имѣть въ виду не названія административныхъ единицъ, носившихъ названія

„родъ“. Это продуктъ чисто административнаго творчества, результатъ попытокъ примирить территориальное дѣленіе съ племеннымъ. Въ этомъ, между прочимъ, одна изъ ошибокъ г. Кузнецова, когда онъ колѣно кыргысъ называетъ сагайскимъ. Нужно имѣть въ виду не эти родовыя подраздѣленія, а т. н. *кости*, *сѣк'и* (или *сѣоки*, какъ часто пишутъ).

Подраздѣленіе на *сѣк'и* еще сохраняется (неофициально) у минусинскихъ инородцевъ, но они уже утрачиваютъ реальное значеніе. Сравнительно недавно, въ предыдущемъ поколѣніи, не допускались брачныя союзы внутри *сѣк'а*. Это былъ остатокъ экзогаміи. Теперь сохранились пока общественныя жертвоприношенія у представителей одного *сѣк'а*; сохранились посвященныя духу-покровителю *сѣк'а* лошади (изых), символы этого духа-покровителя *тѣс* или *тюсъ* (ихъ нерѣдко называютъ идолами).*)

Въ литературѣ обычно высказывается мнѣніе, что „*кость*“— это кровный союзъ, группа семей, ведущихъ происхожденіе отъ одного предка. Этого кровный союзъ, путемъ внѣдренія посторонняго элемента, могъ расширяться до союза, объединеннаго хозяйственными интересами и неопредѣленными представленіями объ обще-родовой связи. **)

Мы думаемъ, что *сѣк'ъ* это остатокъ племени или народности, потерявшей самостоятельность и сведенной до значенія „рода“. Исторія тюрковъ даетъ намъ многочисленныя примѣры, когда небольшое племя усиливалось, поглощало или подчиняло другія и превращалось въ сильный народъ, и, наоборотъ, народъ послѣ перенесеннаго разгрома низводился до размѣровъ небольшого племени, входилъ въ составъ болѣе сильной народности на правахъ рода (напр. найманъ-сѣкъ киргизовъ; во времена Чингисхана было государство найманъ; тоже самое было съ кираитами и т. д.; напротивъ, сахаларъ-якуты превратились въ особый народъ на нашихъ, можно сказать, глазахъ).

---

*) Ср. *Клеменъ, Минусинская Швейцарія и боги пустыни*. В. О. 1884, № 7, стр. 14: „У каждаго племени и даже у каждаго рода есть свои любимыя (sic) идолы. Божества эти невзрачны и непрезентабельны на видъ: березовая рогулька, и на ней навѣшено нѣсколько тряпочекъ, кусковъ мѣха, иногда звѣриныя жилы или конскій волосъ. Каждый идолъ есть представитель извѣстнаго божества, пената, а отчасти и само божество“. Ср. *Клеменца-же походу въ Качинскую степь*. В. О. 1886, № 47. „Тюсъ“ имѣетъ аналога въ „онговѣ“ бурятъ.

**) Приблизительно такое мнѣніе было высказано о „*костяхъ*“ минусинскихъ инородцевъ М. Н. Богдановымъ въ одномъ изъ его докладовъ въ Красноярскомъ поддѣлѣ Русскаго Геогр. Общества.

Исчерпывающей записи существующихъ у минусинскихъ инородцевъ сѣковъ не сдѣлано ни однимъ изъ изслѣдователей. Наиболѣе точная запись имѣется у Кострена („Reiseberichte und Briefe“. S. Petersb. 1856), Радлова („Aus Sibirien“) и Яковлева („Этнографическій обзоръ“); записи А. П. Адрианова и проф. Катанова). Въ настоящее время въ правобережной части Минусинскаго края, гдѣ жили тубинцы, уже не осталось не обрусѣлыхъ инородцевъ. Сѣкъ „туба“ мы находимъ лишь въ средней части лѣвобережной половины (примѣрно Кокса-Уйбатъ). Наиболѣе распространенные сѣки это—кыргызъ, соккы (множ. сохаларъ), кашха (множ. каштаръ) и ызыръ. Представители этихъ сѣковъ имѣются вездѣ, отъ Абакана до Юсовъ. Сѣкъ ара, преимущественно, въ сѣверной части; на Абаканѣ араларъ—рѣдки. Сѣки тинъ, частыхъ (или ястыхъ)—только въ средней части. Бюрютъ (бурютъ), больше всего, въ западныхъ частяхъ.

У койбаловъ, остатки племени коихъ сохранились въ южной части треугольника, заключеннаго между Енисеемъ и Абаканомъ, имѣются сѣмабырь, байгода, бѣгбчи и др. У кизильскихъ инородцевъ имѣются сѣки басагаръ, ачъ, камларъ, буга; у аскысскихъ инородцевъ—сагай, иргить, сайонъ, сарыгъ (желтый) и др.

Теперь посмотримъ, какія племена русскіе застали въ бассейнѣ верхняго Енисея и Юсовъ-Чулыма. Источниками, откуда мы можемъ почерпать свѣдѣнія объ этихъ племенахъ, являются „отписки“ (по современному: рапорты) служивыхъ людей-воеводъ, начальниковъ казачьихъ отрядовъ, донесенія пословъ XVII-XVIII в. в., ѣздившихъ черезъ „киргизскую землю“ къ Алтыкъ-хану и ведшихъ переговоры съ киргизскими князьями, представителями Чжунгарскаго коктайши и т. д. Эти т. н. „историческіе акты“ опубликованы, главнымъ образомъ, Императорской Археографической Комиссіей („Акты Историческіе“, „Дополненія къ А. И.“, „Русская Историческая Библіотека“); два цѣнныхъ тома издааны упомянутымъ выше И. П. Кузнецовымъ („Историческіе Акты“); затѣмъ много документовъ разбросано по разнымъ историческимъ изданіямъ („Временникъ“ Общества любителей исторіи и древн. рос. слов., „Сѣверный Архивъ“, „Сибирскій Вѣстникъ“ Спасскаго и т. д.), и еще болѣе остается документовъ не изданныхъ. Для XVIII в. мы имѣемъ прекрасныя собранія документовъ Г. Н. Потанина „Матеріалы къ исторіи Сибири“

(М. 1865) и „Памятники Сибирской исторіи XVIII в.“ (С.-п.б. 1882, два тома *).

До сихъ поръ ни одинъ этнографъ не обратилъ вниманія на эту богатую сокровищницу свѣдѣній о племенахъ, жившихъ во время прихода русскихъ. Обычно изслѣдователи пользуются лишь свѣдѣніями Фишера, Миллера, Словцова, чтобы указать нѣкоторыя событія, сраженія, войны, названія племенъ. Между тѣмъ, это единственный источникъ для изученія прошлаго сибирскихъ племенъ, ихъ внутренняго быта въ XVII и XVIII в. в. Пользоваться этими документами нужно очень осторожно. Составители ихъ были люди мало развитые. Они часто путаютъ собственныя имена съ названіями должностей, названія племенъ съ топографическими и т. д. Цѣль составленія документа—официальный отчетъ, должностное донесеніе или приказаніе. Поэтому въ документѣ мало мѣста для всего, что прямо къ дѣлу не относилось. Но казаки часто бывали внимательными наблюдателями—регистраторами. Ими иногда заносились въ служебныя бумаги драгоцѣннѣйшія для этнографа свѣдѣнія. Напр., въ одномъ документѣ говорится, что одинъ изъ князей послалъ „посланцевъ своихъ *кыргыскаго* алтырца Шерешачка да съ нимъ чернаго калмыка Башучку“. Орфографія—кыргысъ, кыргыскій—настолько характерна, настолько говорить о томъ, что она „взята съ натуры“, что одной этой фразы было бы достаточно, чтобы опровергнуть мнѣніе И. П. Кузнецова, что названіе „киргизы“ было принесено томскими казаками и ошибочно дано „енисейскимъ тюрко-монголамъ“, которые себѣ такъ не называли.

Томскіе казаки различали киргизовъ отъ не киргизовъ. Ошибки могли носить лишь частный характеръ. Отличали они этихъ киргизовъ и отъ киргизовъ западныхъ, которые назывались ими „Казацкой ордой“.

Перечисляемая томскими служилыми людьми народности были довольно многочисленны. Это были „киргискіе и иныхъ орды многіе люди“. Въ другомъ документѣ болѣе подробно перечисляются эти „орды великія многія“, которыя отъ Томска „неподалеку кочуютъ“: „черные и бѣлые колмаки, и киргизскіе люди, и маты, и братья, и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и басагары,

---

*) На послѣднее ссылается въ приведенной выше цитатѣ Клеменць; изъ нихъ же онъ извлекъ „указаніе“ на чжунгарское вліяніе.

и кизылы, и кузнецкіе люди“; еще имѣются документы, въ которыхъ упоминаются маторы, (мадыръ-койбаловъ), алтырцы, бжесары, алтысары, езерцы (ызыръ), байкотовцы (байгода), точи, мунгаты, сагаи, бохтинцы (буга-тинъ? у Палласа бухъ-тійнъ), иргиты, желтые саяне (сарыгъ?) и др.

Изъ этого перечисленія видно, что упоминаются чаще всего имена, которыя носятъ приведенныя выше „кости“ (сѣки) абаканскихъ, аскысскихъ и кизыльскихъ инородцевъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ „киргизскіе люди“ отличаются отъ братьевъ, калмыковъ, саянцевъ и пр.

Документы опредѣленно ставятъ на первое мѣсто среди другихъ племенъ киргизовъ. Но послѣдніе не составляли одного цѣлаго. Они раздѣлялись на самостоятельныя „улусы“ съ особыми князьями, которые другъ друга „не слушали“. Въ 1609 г. князь Номча согласился уплачивать „ясакъ“ со „своихъ людей“, а князья Кочербай, Ноянъ и Кашка платить ясакъ отказались, но они называются киргизскими же князьями. Въ 1680 г. князь Иренакъ, сынъ Ишея и внукъ Номчи, выступаетъ въ походъ противъ русскихъ „со многими киргизскими и тубинскими и алтырскими и езерскими и съ маторскими и съ байкотовскими людьми“. Въ другомъ документѣ говорится точнѣе и опредѣленнѣе: „хотятъ киргизскіе люди Алтысарскаго и Исарскаго улусовъ, да съ ними же и Алтырскаго улуса киргизы *всею своею киргизскою землицею* приходятъ подъ острогъ“.

Еще въ одномъ документѣ говорится, что „по другую сторону Енисея и по Упсѣ рѣкѣ (нын. Тубѣ) живутъ *киргизы же*, имя имъ тубинцы, а съ ними *иныхъ многихъ земель дальные люди*“. Отсюда мы видимъ, что „киргизская земля“ раздѣлялась, по свѣдѣніямъ служилыхъ людей, на четыре „улуса“: алтырскій, алтысарскій, исарскій и тубинскій. Это были киргизскія группы племенъ. Ни одно другое племя киргизскимъ не называется, хотя и употребляются выраженія въ родѣ „киргизскіе люди“ въ смыслѣ подчиненности киргизамъ,—какъ *киргизскіе подданные* (употребляются также выраженія: „киргизскій татаринъ“, „тубинскіе татарова“,—т. е. киргизскіе и тубинскіе киштымы, ясачные, подданные).

Тубинскій улусъ, или княжество, располагался на правой сторонѣ Енисея. Центромъ его была р. Упса, въ послѣдствіи названная русскими, по жившей на ней господствующей народно-

сти,— Тубою. Тубинцы, или тубаларъ, были скотоводы. Съ ними жили и имъ подчинялись «иныхъ многихъ земель далные люди». «Далные (т. е. дальніе) люди»—это, очевидно, переводъ киргизскаго названія «джесары» (джекъ—край, окраина, сары—сторона,—т. е. «окраинные», «дальніе»). Иначе еще они называются «тубинскіе татаровя кыштымы». Среди послѣднихъ первое мѣсто занимали маторы и байкотовцы. Послѣ поражений, понесенныхъ тубинцами отъ русскихъ, въ концѣ XVII., въ Канскомъ уѣздѣ, центральная власть ослабѣла въ княжествѣ, и байкотовцы и маторы отказывались повиноваться. Даже упоминаются маторскіе и байкотовскіе князцы, т. е. племенные родоначальники пріобрѣтаютъ самостоятельность. Кромѣ этихъ племенъ, въ составъ Тубинскаго княжества входили койбалы, бѣгѣчи (или «бугачевъ улусъ», какъ называли ихъ русскіе), кайдынцы и др.

Сосѣдями тубинцевъ по лѣвую сторону Енисея были езерцы (ызыръ), составлявшіе Езерское княжество, или *Езерскій улусъ*. Это княжество занимало территорію отъ нижняго теченія р. Абакана къ сѣверу, приблизительно, до широты нынѣшняго села Батеней. Племена, входившія въ составъ этого княжества, назывались очень часто «исары», а самый улусъ «Исарскимъ», т. к. княжество занимало среднюю часть киргизскаго края («исъ»— середина, сары—сторона; исары—средняя сторона, средняя часть). Повидимому, ранѣе езерцы входили въ составъ Тубинскаго княжества. Еще въ 1652 году, когда племянникъ Алтынъ—хана, Мергенъ—тайша, бѣжалъ, преслѣдуемый войскомъ дяди, онъ, по донесенію служилыхъ людей, „сталъ на Тубинской землѣ на Ербинскомъ устьѣ“; а рѣчка Ерба, лѣвый притокъ Енисея, протекаетъ по сѣверной части очерченной выше езерской территоріи. Но въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. езерскій князь Шорло—Мергенъ—замѣтно могущественнѣе тубинскихъ князей и даже заявляетъ претензіи на нѣкоторыя тубинскія владѣнія. Въ это время езерскіе князья, вѣроятно, распространяли власть и на междурѣчье между Енисеемъ и Абаканомъ. Племена тинъ, буга, часть кайдинцевъ и др. были ихъ кыштымы.

Къ западу лежало *Алтырское княжество*. Его административный центръ былъ на рч. Нинѣ, впадающей въ лѣвый притокъ р. Абакана—Уйбатъ. На сѣверѣ границы княжества зах-

ватывали бѣлый Юсь, а на югѣ терялись въ Саянскихъ горахъ. Алтырское княжество сосѣдило съ княжествомъ телеутовъ, или Бѣлыхъ Калмыковъ, на Алтаѣ. Можно предполагать, что господствующимъ племенемъ здѣсь были бюрютъ (бурютъ). По словамъ проф. Катанова,*) „бурютъ“—это каракиргизы У алтайскихъ племенъ, междествовавшихъ съ алтырцами, дѣйствительно, преобладаютъ сѣки, общіе съ кара—киргизами. Между тѣмъ у другихъ племенъ болѣе общихъ соковъ съ киргизъ—касаками. Въ Алтырское княжество входили, прежде всего, сагаи, затѣмъ белтиры, саяны, желтые саяны и др. Сагаи теперь подраздѣляются на три части: сагаи, томъ—сагаи и юсь—сагаи. Тоже подраздѣленіе мы видимъ и въ XVII в. („юсь—сагайскаго яшашнаго татарина“, «до первыя (т. е. отъ Томска) сагайскіе волости», въ «сагайскую волость и въ Алтырцы»). Алтырское княжество считалось весьма значительнымъ. Въ чертежной книгѣ Ремезова оно показано занимающимъ обширную территорію, несоразмѣрную съ нынѣшними картографическими данными. Алтырскій князь пользовался большимъ авторитетомъ. Послѣдній князь, Тангутъ—Батуръ—тайчжи, въ послѣдствіи даже припоминается съ титуломъ хана. Посланникъ чжунгарскаго контайши живетъ обычно въ ставкѣ («ургѣ) алтырскаго князя на Нинѣ.

Наконецъ, четвертое, *Алтысарское княжество*, образовали «низовскіе», «понизовые» киргизы (алты—низъ, сары—сторона, «нижняя сторона»). Алтысары занимали всю сѣверную часть нынѣшняго Минусинскаго уѣзда и южную Ачинскаго уѣзда. Центромъ ихъ области могли считаться Божье озеро и Юсы. Ихъ стойбища были на Сержѣ, Бѣломъ озерѣ, Урюпѣ. Съ другой стороны, и правобережный сѣверо-восточный уголь Минусинскаго уѣзда и юго-восточный Ачинскаго, занятый въ то время, по даннымъ чертежей Ремезова, «Кашинской ордой» входилъ также въ составъ Алтысарскаго улуса. Русскіе этихъ низовскихъ киргизъ называли, по преимуществу, просто киргизами, не прибавляя: „алтысарскіе“. Въ составъ господствующей народности входили здѣсь, надо думать, прежде всего, кыргысы, затѣмъ сохаларъ, каштаръ (кашха, «кашинцы»—русскихъ историческихъ актовъ), аргынъ (сѣкъ нынѣшнихъ кизыльскихъ инородцевъ и и киргизъ—касаковъ). Ара, камларъ, басагаръ, бугъ—тинъ, ястыхъ («ястынцы», теперь частыхъ), ачъ (ачинцы, «ачъ—кыш-

*) Проданія присаянскихъ племенъ о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ.

тымы») были звѣроловческія племена, входившія въ составъ княжества въ качествѣ кыштымовъ. Вплоть до паденія киргизскихъ княжествъ здѣсь господствовалъ домъ князя Номчи.

Номча

|
Ишей

Иренакъ Абалакъ   Итпола

Корчунъ Чагунъ Шипъ Лоузанъ

Есть многочисленныя данныя въ пользу утвержденія, что князья всѣхъ четырехъ княжествъ были въ близкомъ родствѣ между собою. Весьма возможно, что это былъ одинъ владѣтельный родъ киргизскихъ князей. Въ предѣлахъ каждаго изъ четырехъ княжествъ мы встрѣчаемъ иногда нѣсколько именъ князей. Очевидно, государственный укладъ въ XVII в. продолжалъ разваливаться. «Удѣльное» начало неуклонно развивалось, пока не привело къ окончательной гибели киргизскую политическую организацию.

Русскіе застали здѣсь не славившееся государство, а дотянувшія до XVIII вѣка руины когда-то могущественнаго и культурно-оригинальнаго государства хагасовъ—кыргызовъ.

И тѣмъ не менѣе эти руины были еще значительныя и чрезвычайно интересныя.

Власть князя, помимо его происхожденія, имѣла, въ значительной мѣрѣ, основой его хозяйственное положеніе. Это былъ богатый хозяинъ—скотоводъ, обладавшій значительнымъ капиталомъ. „Кыштымы“ были не только его подданные, но и люди, связанные съ нимъ долговыми обязательствами. Одинъ изъ киргизскихъ князей говорилъ русскимъ посланцамъ, что сами киргизы соболей не ловятъ, а получаютъ ихъ „за долги“ съ своихъ кыштымовъ. Такимъ образомъ, какъ и русскій князь удѣльнаго періода, киргизскій князь являлся хозяиномъ своей „вотчины“, и частно-правовыя и публично-правовыя отношенія перекрещивались и смѣшивались.

Раздробленіе киргизской земли не шло однако же до распыленія на мелкіе независимые улусы или родовыя группы. Группы мелкіхъ улусовъ, племена, какъ мы видѣли, соединялись въ «земли», „землицы“, какъ выражались русскіе того времени, или «улусы», княжества. Такихъ княжествъ мы нашли четыре: Алтысарское, Алтырское, Исарское и Тубинское. Въ основѣ ихъ раздѣленія

лежали, съ одной стороны, племенные различія, а съ другой— хозяйственныя. Сами киргизы дѣлились на племенные группы. Нѣкоторыя племена были, такъ сказать, окиргижены, въ результатѣ долгаго сожителства. Отдѣльныя территоріи имѣли обособленные центры хозяйственнаго тяготѣнія. Напр., во владѣніи тубинскихъ князей находились знаменитыя соболиныя ухожія верховія Кизира, Казыра, Амыла, Кана и Уды; Алтырское княжество держало въ своихъ рукахъ пути на Алтай, въ Монголію, а слѣдовательно, въ Китай. *)

Были ли киргизскіе князья въ опредѣленномъ и постоянномъ іерархическомъ подчиненіи одинъ другому, мы не можемъ увѣренно сказать по недостаточности имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ съ русскими вели переговоры одни и тѣ-же князья. Они же становились во главѣ военныхъ силъ. Съ одной стороны, вотчинный характеръ княжеской власти ведетъ къ постоянному раздробленію, и сыновья, напр., князья Иренака становятся во главѣ обособленныхъ улусовъ („Корчуновъ улусъ“, «Шипъ улусъ»); съ другой же, какъ мы видѣли, есть данныя за то, что киргизской землей владѣлъ одинъ княжескій родъ. Во время переговоровъ съ русскими езерскій князь Шорло—Мергенъ говоритъ о своемъ племянникѣ Зансаѣ, что онъ «Ишею Мергеню внукъ», а Ишей былъ алтысарскій князь. О погибшихъ, благодаря вѣроломству красносарскаго воеводы, тубинскихъ князьяхъ говорится, что это были лучшіе князья, которые „владѣли всею Тубинскою землею“; при этомъ князья Тубинской земли называются «киргизскими». Киргизскіе князья имѣли репутацію родовитости. Чжунгарскіе контайши указываютъ на свое родство съ ними; жена контайши Багатира дѣлаетъ визитъ киргизскимъ родственникамъ въ сопровожденіи свиты въ 300 всадниковъ.

Отсутствіе іерархическаго подчиненія не исключаетъ единства дѣйствій и имѣетъ историческія аналогіи. Словцовъ въ своемъ «Историческомъ Обзорѣніи» (стр. 310-311) приводитъ свѣдѣнія капитана Андреева о т. н. Закаменной ордѣ киргизовъ. Орда дѣлилась (1770 г.) на 10 волостей подъ управленіемъ біевъ. Въ случаѣ войны бѣи дѣйствовали *единодушно*. У филистимлянъ, знаменитыхъ войнами съ евреями, было пять областей—кня-

*) О путяхъ на Алтай есть интересная замѣтка Клеменца «Краткій отчетъ объ экскурсіи въ системѣ Абакана» въ „Запискахъ Зап.—Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ.“ кн. XI.

жествъ; во главѣ каждого изъ нихъ стоялъ т. н. серень съ наслѣдственной иногда властью. Всѣ пять „сарнимъ“ собирались и составляли совѣтъ для обсужденія дѣлъ филистимской федераціи; въ походъ отправлялись они вмѣстѣ, каждый во главѣ своего войска («Maspéro, Histoire ancienne des peuples de l'Orient.» Prais 1912, p. 370). Вспомнимъ съѣзды русскихъ князей и ихъ объединеніе для борьбы, напр., съ половцами, во имя единства «русской земли» и родства князей—рюриковичей. Но, конечно, такой личный элементъ объединенія свидѣтельствовалъ о приниженности государственнаго начала, о государственной слабости.

Во всякомъ случаѣ киргизскій князь не былъ родовымъ главой, родоначальникомъ, однимъ изъ тѣхъ «князцовъ», которые стояли во главѣ бродячихъ семейно-родовыхъ группъ. Такое положеніе исключалось уже разноплеменнымъ составомъ «улуса». Затѣмъ мы видимъ около него значительную группу «многихъ знатныхъ улусныхъ людей», или «лучшихъ людей», какъ называли эту киргизскую аристократію русскіе служилые люди. За ними стояли просто «улусные люди», или „киргизскіе мужики“, лично свободное населеніе. Наконецъ, были «киштымы». Послѣдніе раздѣлялись надвѣ группы. Были «улусы киштымовъ», имѣвшіе своихъ князьковъ, но платившіе албанъ (или по алтайскому произношенію: алманъ), т. е. дань (мѣхами) киргизамъ, и были лично зависимые киштымы, кабальные люди («работники», по терминологіи служилыхъ людей) киргизскихъ князей и лучшихъ людей.

Кромѣ того, въ Киргизской землѣ жило много иноземцевъ преимущественно купцовъ. Прежде всего это были бухарскіе купцы, имѣвшіе здѣсь торговыя факторіи. Они распространяли свои торговыя операціи и на русскіе уѣзды. Ихъ караваны вывозили изъ Сибири въ Китай «мягкой рухляди множество». Были и русскіе купцы, греки, даже турецкіе подданные. Особенно ихъ было много къ концу XVII в., когда протекторатъ чжунгарскаго контайши далъ сильную защиту противъ разорительныхъ набѣговъ подданныхъ Алтынъ—хана и русскихъ.

Торговыя сношенія, связанныя съ кредитными, долговыми обязательствами, и условія скотоводческаго хозяйства, связанныя съ необходимостью регулированія выпаса и кочевковъ, требовали довольно сложной административно—полицейской и судебной ор-

ганизациі. И мы даже въ «отпискахъ» русскихъ служилыхъ людей находимъ упоминанія о цѣломъ рядѣ должностныхъ лицъ. Прежде всего, въ каждомъ княжествѣ, повидимому, былъ особый, главный судья,—ожо. (Упоминается езерскій судья; у алтысаровъ—упоминается *Батъяжо*, т. е. *Баты ожо*). Упоминаются «яргучи», т. е. члены того административнаго и судебного учрежденія при князѣ, которое существовало у монголовъ и калмыковъ, подъ названіемъ «зарга», откуда монгольскіе «заргучи»; по произношенію алтайскихъ и енисейскихъ тюрокъ, вмѣсто «зарга», будетъ «яргы» (см. *Словарь алтайскихъ нарѣчій* Вербицкаго). Затѣмъ слѣдуютъ ясаулы, на которыхъ возлагалось, между прочимъ, продовольствіе и снабженіе перевозочными средствами пословъ; были «алманские сборщики», казначеи. Князь Иренакъ велъ сношенія съ воеводами письменно на калмыцкомъ, т. е. монгольскомъ, языкѣ. Слѣдовательно, при немъ должны были быть секретари, знавшіе калмыцкую письменность. Последняя, надо думать, была довольно хорошо знакома, по крайней мѣрѣ, князьямъ и знатнымъ улуснымъ людямъ. Когда калмыцкое (чжунгарское) вліяніе упрочилось въ Киргизской землѣ, организовавшій одно время въ предѣлахъ ея борьбу противъ своихъ враговъ знаменитый контайша Галданъ (русскіе документы чаще называютъ его: Бошухту—ханъ, или Кегень, т. е. Гэгэнъ; Галданъ, какъ извѣстно, имѣлъ священные титулы) свои договоры съ мѣстными князьями и манифесты, начертанные на скалахъ, излагалъ на калмыцкомъ языкѣ.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть ошибочность мнѣнія Клеменца, что енисейскіе киргизы и алтырцы были «полудикіе кочевники».

Ошибочнымъ представляется и данное Клеменцемъ объясненіе причинъ паденія государства и культуры хагасовъ—кыргысѣ. Онъ самъ указываетъ на извѣстія, что киргизы добровольно подчинились, какъ и сагаи, Чингисъ—хану. Не было данныхъ для насильственнаго переворота. Упадокъ не былъ слѣдствіемъ катастрофы. Онъ былъ результатомъ длительного процесса и развивался постепенно и неуклонно. Его факторы лежали не въ мѣстныхъ событіяхъ, а въ положеніи края относительно мировыхъ транзитныхъ торговыхъ путей.

Въ эпоху процвѣтанія государства хагасовъ въ Средней Азіи, въ Туркестанѣ, существовалъ цѣлый рядъ тюркскихъ го-

сударствъ, замыкавшихся на западѣ приволжскими государствами тюрковъ—Хазарскимъ каганатомъ и В. Булгарами. Среднеазіатскіе и сѣверные торговые пути всё были въ рукахъ тюркскихъ государствъ, являвшихся ихъ охранителями и посредниками между Западомъ и Востокомъ (конечно, главнымъ образомъ, Китаемъ). Енисейскіе и алтайскіе тюрки могли принимать живое участіе въ торговомъ обмѣнѣ. Теперь это изолированные районы съ вьючными тропами, ведущими на югъ. Живыя торговля сношенія исключаютъ изолированность. Черезъ Урянхай проходитъ, оканчиваясь на устьѣ Кемчика, знаменитый легендарный чингисхановъ трактъ,—остатки огромныхъ дорожныхъ сооружений, пробитыхъ иногда въ скалахъ. Вдоль Енисея сохраняются развалины крѣпостей, очевидно, охранявшихъ пути сообщенія. Страна кыргызовъ много вывозила и ввозила, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ предметы, находимые въ могилахъ или просто въ землѣ. Но затѣмъ Византійская имперія съ ея рынками была поколеблена сначала междуусобицами, войнами съ персами, потомъ подверглась разгрому со стороны арабовъ. Прошли десятилѣтія и столѣтія, пока арабскія государства были въ состояніи продолжить византійскую торгово—культурную миссію. Возникаютъ торговые флоты Венеціи и Генуи. На сѣверѣ создается ганзейскій союзъ. Вырастаетъ торговое значеніе Великаго Новгорода и варяго—русскихъ приднѣпровскихъ княжествъ. Все это разстраивало значеніе среднеазіатскихъ торгово—политическихъ организацій. Населеніе ихъ бѣднѣетъ. Появляются голодныя банды наѣздниковъ, начинается передвиженіе кочевыхъ ордъ. Падаютъ государства Хозаровъ и Булгаръ. Затѣмъ открываются морскіе пути въ Индію и Китай. Жизнь на сѣверѣ замираетъ. Интенсивная культура падаетъ: оросительные каналы забрасываются. Хозяйство принимаетъ экстенсивныя формы. Скотоводство мало даетъ предметовъ для вывоза. Начинается усиленная погоня за единственнымъ не утрачивающимъ никогда значенія и весьма легкимъ, удобнымъ для транспортированія, товаромъ—«мягкой рухлядью», т. е. дорогими мѣхами. Отсюда погоня за поставщиками мѣховъ—«кыштымами». Изъ киргизской земли начинается отливъ не находящаго для себя достатка населенія. Такъ уходитъ, вѣроятно, значительнѣйшая часть сохаларовъ. Они продвигаются со своими стадами на сѣверо—востокъ и занимаютъ балаганскія, кудинскія и верхоленскія степи; за ними продвигаются кашха—каштаръ, осѣ-

дая въ долинѣ Изыръ-су (теперь Качи, получившей, какъ и Упса, названіе отъ обитавшей на ней народности), Бирюсы, Уды, быть можетъ, до Оки. Еще въ эпоху прихода русскихъ этотъ процессъ продолжаетъ развиваться, и въ систему Кана идетъ эмиграція тубинцевъ, маторовъ. Широкое развитіе этого процесса было прервано вторженіемъ съ юго-востока монгольской народности—бурятъ. Буряты послѣ жестокой борьбы, воспоминанія о которой сохранились въ легендахъ сохаларь—якутовъ, *) отбросили послѣднихъ внизъ по Ленѣ. Та часть кашха, которая продвинулась далѣе на востокъ (кара—кашъ, нын. «карагасы»), была отброшена на западъ, и отчасти была подчинена бурятами и низведена на степень ихъ кыштымовъ.

Оставшееся населеніе въ киргизской землѣ, или вѣрнѣе представляющіе драгоцѣнные мѣха кыштымы киргизскіе дѣлаются предметомъ вождельннй монголовъ, калмыковъ, а затѣмъ и русскихъ. Весь XVII и начало XVIII в. наполнены жестокой борьбой, во время которой нѣсколько разъ вторгаются съ войсками монгольскіе ханы и калмыцкіе тайши. Русскіе отряды, дѣлающіе нечаянные набѣги, часто вырѣзаютъ поголовно населеніе цѣлыхъ улусовъ, въ погонѣ за добычей.

Въ этой обстановкѣ тѣ остатки культуры, государственности, которые мы нашли въ Киргизской землѣ, способны вызывать наше удивленіе и—я бы сказалъ—уваженіе.

Намъ остается заняться еще однимъ вопросомъ,—а именно вопросомъ объ историко-этнографическомъ значеніи факта переселенія киргизовъ и тубинцевъ за Саяны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достовѣрности самыхъ извѣстій объ этомъ фактѣ. Мы указывали, что въ этнографической литературѣ этому событію усваивается исключительное значеніе. Вмѣсто ушедшихъ племенъ, согласно установившемуся взгляду, водворились совершенно иныя, пришедшія съ разныхъ сторонъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ возраженія И. П. Кузнецова, который считаетъ, что мнѣніе о выселеніи енисейскихъ киргизовъ «основано на старыхъ, неочищенныхъ критикою, изслѣдованіяхъ, которыя противорѣчатъ актамъ сибирской исторіи» (н. с., стр. 28), что о переселеніи енисейскихъ киргизовъ «нѣтъ никакихъ указаній въ актахъ сибирской исторіи», а если въ «Памятникахъ Сибирской Исто-

---

*) Якуты себя называютъ сохаларь; «якуты»—данное имъ тунгусами названіе, русскіе заимствовали это имя.

ріи» (т. 1, стр. 232), подъ 1703 г., и имѣется извѣстіе, что калмыки выгнали всѣхъ киргизовъ изъ киргизской земли, то это извѣстіе „неопредѣленно и противорѣчитъ другимъ актамъ“ (стр. 37).

Какъ и ранѣе, мы обратимся къ первоисточникамъ.

Въ 1701 году, послѣ упорной борьбы, сибирскіе города, Томскъ, Кузнецъ и Красноярскъ, начали мирные переговоры съ киргизскими князьями. Послы и знатные улусные люди, въ княжескихъ ставкахъ, при участіи самихъ князей и посла контайши, вели длительные переговоры. Послѣдніе привели къ кое-какимъ результатамъ. Между прочимъ, киргизскіе князья согласились, чтобы съ 300 ихъ кыштымовъ ясакъ шелъ русскимъ. Въ уплатѣ этого ясака вышла задержка, и въ Красноярскѣ начали объ этомъ беспокоиться. А у томскихъ служилыхъ людей въ это время начались новыя вооруженныя столкновенія съ киргизскими людьми.

Извѣстіе, упомянутое г. Кузнецовымъ, заключается въ слѣдующемъ.

15 октября 1703 года въ Караульннй Острогъ (теперь село того же названія на полпути между Красноярскомъ и Минусинскомъ, на лѣвомъ берегу Енисея) явился кизыльскій ясачный татаринъ и «въ вѣстяхъ сказывалъ: пріѣхали де 2500 калмыковъ въ Киргизскую землю и киргизъ де къ себѣ загнали всѣхъ, и нынѣ де въ киргизской землицѣ Киргизъ никого нѣтъ». Послѣ этого пріѣхали бохтинцы, киргизскіе кыштымы, внесли ясакъ и каялись, что воевали противъ русскихъ, но это они дѣлали, по ихъ словамъ, «по велѣнію киргизскихъ князцовъ». Это послѣднее обстоятельство, несомнѣнно, подтверждало правильность сообщенія кизыльскаго татарина. Но въ Красноярскѣ эти вѣсти показались мало вѣроятными. Оттуда былъ посланъ конный казакъ развѣдать, гдѣ стоятъ киргизскіе князья, и сколько людей у cadaго, а также не имѣется ли въ Киргизской землѣ калмыцкаго войска. *) Въ концѣ года въ Киргизскую землю командирется сынъ боярскій Иванъ Злобинъ съ товарищи. Ему поручено было сказать киргизскимъ князьямъ и улуснымъ людямъ „милостивое слово“ и напомнить, что они „съ кыштымовъ своихъ ясаку не дали.“

---

*) Пам. Сиб. Ист. т. 1, № 58.

Уже въ январѣ 1704 г. Злобинъ доносилъ, что онъ съ товарищи «изъ Красноярска въ Киргизскую землю ѣздили и *киргизскихъ князцовъ никого не извѣхали, а извѣхали прежде остальцовъ Тубинцовъ семи человекъ*». Далѣе Злобинъ пишетъ, что радѣнемъ своимъ прискалъ въ ясакъ „киргизскихъ и тубинскихъ *разныхъ улусовъ кшитымовъ*.“ *)

Приведенныя извѣстія, нужно думать, совершенно определенны и сомнѣній вызывать не могутъ. Въ дальнѣйшемъ они находятъ подтвержденіе. Въ апрѣлѣ 1720 г. въ Красноярскѣ получено было извѣстіе, что подгородные качинскіе, аринскіе и ястынскіе татары снялись со своихъ мѣстъ съ семьями и скотомъ, ушли вверхъ по Енисею и поселились „въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ *прежъ сею жили киргизы*“. **) Это сообщеніе очень встревожило красноярскихъ властей, такъ какъ одновременно въ Томскѣ было получено извѣстіе изъ Кумандинской земли (на Алтаѣ), что сынъ контайши, Галданъ Церенъ, подошелъ къ русскимъ границамъ съ 20000-мъ войскомъ и отрядами бѣлыхъ калмыковъ (телеутовъ) и *киргизовъ*.

Но есть какъ бы и противорѣчащія данныя. Въ октябрѣ въ Красноярскѣ узнаютъ, что „въ киргизской землицѣ киргизъ никого нѣтъ“; между тѣмъ 12 декабря того же 1703 года изъ Томска отправляется, подъ начальствомъ сына боярскаго Михайла Лаврова, большой отрядъ изъ 500 человекъ «на лыжахъ съ нартами и со всею полною службою» въ Киргизскую землю. Этотъ отрядъ на р. Базырѣ разгромилъ юрты «киргизскихъ людей и шускихъ татаръ». ***)

Но это противорѣчіе кажущееся.

Въ 1746—1747 г.г. въ Усть—Каменогорскѣ и на Чарышѣ стали появляться какіе-то «бѣглецы люди», нѣкоторые съ семьями.

Двое, захваченные на Чарышѣ, на допросахъ показали, что «природы они *Киргизъ—Калмыцкой*,****) нынѣ владѣнія Зенгор-

---

*) *Пам. Сиб. Ист.* т. I, № 59

**) *Пам. Сиб. Ист.* т. II, № 68. Ср. *Г. Н. Потанинъ, Матеріалы къ исторіи Сибири.* М. 1867, стр. 115 с. „черезъ сагайскія волости, гдѣ *прежде жительство имѣли Зенгорскаго владѣнія киргизы*“.

***) *Пам. Сиб. Ист.* т. I, № 38.

****) Интересная попытка классификаціи народности: киргизы т. н. енисейскіе были подъ протекторатомъ, а потомъ и въ подданствѣ у калмыковъ, и подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ.

скаго владѣльца, а въ прошлыхъ давнихъ лѣтахъ *отцы ихъ кочевали на Сагайской степи*, между Кузнецкаго и Красноярскаго городовъ». „А нынѣ въ помянутой Сагайской волости *кочуютъ ихъ два дяди родные*“. „А когда отецъ ихъ сошелъ въ Зенгорскую землицу, не знаютъ; а жили они въ томъ владѣнн *внизъ по рѣкѣ Или*, на урочищѣ Шаробѣ, у ноена Зенго Бутуя въ холопствѣ“. *) Другіе показывали, что „жительство имѣли съ прочими киргизъ—калмыками во владѣнн хана Тангынъ—Батыря—Датжи, **) въ здѣшнемъ сибирскомъ краѣ, между Томскимъ и Енисейскимъ городами, противъ города Красноярска, въ степи, на рѣчкѣ, называемой Бѣломъ Юсѣ, отъ котораго де ихъ жилища до помянутаго Красноярска разстояніемъ тихой ѣздой дня съ три... а нынѣ слышно имъ, что *изъ ихъ родственниковъ и прочихъ киргизъ—калмыкъ* тамо въ томъ же ясакѣ состоятъ. И тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ и болѣе, а подлинно де объявить они не помнятъ, приходили къ нимъ изъ землицы Контайши три зайсана, Духаръ, Сандыкъ, Чинбиль, въ 3500 человекѣхъ; а стояли они особливимъ кочевымъ, всего мужеска и женска полу тысячи съ три дымовъ; и захватили оныя зайсаны войскомъ своимъ незапно, увезли въ Зенгорскую землю сильно, токмо безъ бою. И жили они тамъ въ Зенгорской землицѣ въ Большой Ургѣ и платили они Галданъ—Чирину алманъ“***).

Изъ приведенныхъ документовъ видно, что далеко не всѣ киргизы были «загнаны» въ Чжунгарскую землю. Уведено было всего около двухъ съ половиной тысячъ семей. Киргизы представляли противъ русскихъ военные отряды въ нѣсколько тысячъ человекъ. Потеря 2½ тысячъ семей была огромная, но не могли создавать «пустоты». Томскіе служилые люди еще находятъ, кого громить и грабить. Откуда же могло создаться впечатлѣніе, что «въ киргизской землицѣ киргизъ никого нѣтъ»?

*) Г. Н. Потанинъ, *Матеріалы*, стр. 62.

**) Это былъ упоминавшійся уже нами алтырскій князь Тангугъ—Батуръ—тайчжи.

***) Г. Н. Потанинъ, *Матеріалы*, стр. 80 и 128. Въ другомъ документѣ дата опредѣляется точнѣе: „назадъ тому 40 лѣтъ“ (въ дѣйствительности, слѣдовательно, 43—44). Нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ показали, что «сынъ прѣжняго хана Танбы—Батыря—Датжи, Чайлышъ» „и нынѣ живетъ въ Ургѣ“ (и. с., стр. 127). Одинъ изъ инородцевъ Бирскаго рода рассказывалъ намъ лѣтомъ 1912 г. на о. Шира о существующемъ среди инородцевъ предавіи, что они имѣли нѣкогда своихъ князей, но послѣдніе были переселены за Алтай царемъ Кунтайчжи. (Контайша).

Необходимо оцѣнить историческое значеніе развернувшася событія и его послѣдствій.

Донесеніе Ивана Злобина, цитированное уже выше, даетъ для этого по своей протокольной объективности весьма цѣнный матеріалъ. Прежде всего, Злобинъ не пишетъ, что не нашли никого изъ киргизъ, а пишетъ, что „киргизскихъ князцовъ“ никого не извѣхали“. Изъ киргизской земли исчезли киргизскіе князья и знатные улусные люди, киргизская аристократія. Вотъ почему и «бохтинскіе киштымы» сваливаютъ свои вины на «велѣнія» киргизскихъ князей. Злобинъ на этомъ фактѣ огромной важности не останавливается. Это типичный служилый человѣкъ, заботящійся лишь объ исполненіи даннаго порученія. Онъ ясачный сборщикъ; посланъ за ясакомъ. Ушли чужіе подданные изъ чужой земли. Дѣло это его не касалось. Но тутъ же ему сообщаютъ, что передъ его пріѣздомъ ушли за Камень (т. е. за Саянскій хребетъ) 60 чел. кыштымовъ, и Злобинъ немедленно, оставивъ для охраны собранной «ясачной казны» товарищей, самъ съ однимъ только проводникомъ бросается розыскивать „тѣхъ бѣглецовъ“, затрачивая на это около трехъ недѣль.

У киргизъ, по сообщеніямъ служилыхъ людей, было общимъ правиломъ, при вторженіи непріятели, «прятать» семью въ горныхъ мѣстностяхъ,*) а затѣмъ встрѣчать враговъ «съ боемъ». Такъ было, несомнѣнно, и въ данномъ случаѣ. Когда зайсаны контайши появились «внезапно» въ киргизской землѣ, они успѣли захватить 2¹/₂ тысячъ семей, стоявшихъ «особливымъ кочевьемъ». Остальное населеніе, по обыкновенію, разбѣжалось „въ камень и черные лѣса“, какъ выражались въ XVII

---

*) Здѣсь еще можно отмѣтить одинъ примѣръ проницательности Клеменца. Послѣ изслѣдованій пещеръ, Минусинскаго края онъ сдѣлалъ два вывода, что эти пещеры съ давнихъ поръ были обитаемы и перестали быть мѣстомъ обитанія сравнительно недавно. Затѣмъ онъ оговаривается, что дѣлаетъ уже не выводъ, а *предположеніе*. «Минусинскій округъ не разъ служилъ мѣстомъ столкновенія враждебныхъ народностей, *послѣдній такой казусъ-вытѣсненіе киргизовъ русскими*. Не служили ли эти пещеры убѣжищемъ для какого-нибудь племени, загнаннаго своимъ сильнымъ противникомъ въ лѣса изъ привольныхъ степныхъ пастбищъ въ недавнее время?» Изъ изложеннаго выше видно, какъ близко къ истинѣ это «предположеніе». Въ одной пещерѣ Клеменць нашель дѣтскую кѣлыбель одного типа съ употребляемой нынѣшними инородцами. (*Минусинская Швейцарія и боги пустыни*. В. О. 1884. № 9, стр. 11).

в. служилые люди. Злобину кыштымы объясняютъ, что не могутъ уплатить полностью ясака, «затѣмъ, что были въ бѣгахъ.» Они даютъ обѣщаніе сыскать своихъ скрывшихся сородичей, но предупреждаютъ, что имъ самимъ придется скрываться. „И о томъ договоръ былъ съ ними, что мнѣ Ивану съ товарищи впредь ихъ гдѣ сыскивать, договорились, что по тѣмъ мѣстамъ ставить имъ мѣты, и по тѣмъ мѣтамъ вы де насъ найдете; а мы де будемъ жить въ прикрытѣ, для того, что опасны отъ иныхъ землицъ“.

Изъ изложеннаго выясняется смыслъ и значеніе развернувшихся событій, имѣвшихъ, несомнѣнно, огромное моральное и политическое значеніе для населенія страны.

Какъ ни былъ слабъ государственный порядокъ въ Киргизской землѣ и смутны внѣшнія обстоятельства, политическая организациа киргизовъ давала извѣстную охрану общественной жизни, обеспечивала жизнь и имущество частныхъ лицъ. Не надо забывать, что, съ нашей современной точки зрѣнія, государственный порядокъ, установленный въ Сибири московскими начальными людьми, былъ не высокаго качества и едвали многимъ былъ выше киргизскаго. И вотъ представители этого государственнаго порядка, эти носители охраны личности, имущества и труда, внезапно исчезли. Явились вооруженныя силы «изъ иныхъ землицъ» и «киргизъ къ себѣ загнали»... Какая паника должна была воцариться въ киргизской землѣ!.. Люди почувствовали, что они лишены элементарной безопасности. Они укрывались въ пещерахъ, которыми изобилуетъ край, въ скалахъ, въ тайгахъ, живя «въ прикрытѣ» и испытывая страхъ передъ возможностью повторенія нашествія «изъ иныхъ землицъ», противопоставить которому уже нельзя было никакой туземной силы. И киштымы, съ которыми велъ переговоры Иванъ Злобинъ, «били челомъ великому государю, чтобъ указалъ великій государь въ киргизской землѣ построить острогъ, для обережи отъ иныхъ землицъ».

Такимъ образомъ замѣна киргизской государственной власти русской являлась очевидной и неотвратимой необходимостью. Русскіе должны были принести государственный порядокъ и возстановить нормальныя условія жизни въ странѣ. «А какъ де,—просили киштымы,—острогъ построенъ будетъ, и они де

въ казну великаго государя стануть платить со всякаго чело-
вѣка по шести собoley, *чтобъ имъ жить подѣ великою госуда-
ря державою безопасно.* *)

Вотъ почему, послѣ присоединенія киргизской земли, не
было ни возстаній ни возмущеній. Выдержавшіе вѣковую борьбу,
люди киргизской земли сразу притихли, смирились, глубоко
потрясенные разразившейся надъ ними катастрофой.

Итакъ, событіе имѣло, такъ сказать, не этнографическое,
а *политическое значеніе*. Когда сознаніе безопасности окрѣпло,
въ степяхъ изъ „прикрытій“ появились снова и кашха, и соха-
ларъ, и бюрютъ, и кыргызъ,—племенной составъ остался въ
странѣ почти тотъ же, но не возвратилась съ ними киргизская
государственность.

Судьбы киргизскаго государства очень поучительны какъ
въ научномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи. Высокій
научный интересъ представляетъ самый матеріалъ для историко-
этнографическихъ изученій, представляемый историческими до-
кументами и до сихъ поръ не вводившійся въ разработку
при помощи строгихъ научныхъ методовъ. Поэтому является
невольно сожалѣніе, что такой талантливый изслѣдователь, какъ,
Клеменць, преждевременно отошелъ отъ него. При его разносторон-
ней эрудиціи и склонности къ смѣлымъ сближеніямъ и построені-
ямъ, мы могли бы разсчитывать на оригинальныя и остроум-
ныя работы въ этой области.

Если эта замѣтка привлечетъ вниманіе изслѣдователей
къ затронутымъ темамъ, мы считали бы выполненной нашу за-
дачу воздать дань признательности памяти покойнаго изслѣ-
дователя.

Н. Козьминъ.

*) Пам. Сиб. Ист. т. I, № 63.